

Отчего Горько в Нижнем —

об этом размышляет праправнучка Ф. М. Достоевского

Культурная жизнь Нижнего Новгорода, кажется, вступила в фазу своеобразной психологической «вольницы». Город, почти через 60 лет, обрел наконец свое настоящее имя. Одна часть нижегородцев впадала по этому поводу в глубокую скорбь, называет себя по-прежнему горьковчанами и пытается собрать деньги на памятник Ниловне, которая тоже некоторым образом прославила город. Другие успели переименовать одну из центральных площадей — имени Горького в доверительное: «У Максима», так как ресторана там нет, зато есть величественный монумент, грозно сцепивший за спиной кулаки. Надо сказать, что памятников Горькому здесь так много, что сердце просвещенного обывателя невольно вздрагивает от неосознанной тоски по новой, неясной еще литературе. Грешно разрушить и эти оставшиеся памятники советского периода, станет в городе пусто и грязно.

И неудивительно, что совершенно несоотносимым с этим культурным «девятым валом» стало открытие мемориальной доски на доме, где жил В. И. Даль. Сами нижегородцы, кажется, напрочь забыли, что их город связан с именами Карамзина, Добролюбова, Л. Андреева, Мельникова-Печерского, Чехова, Воборыкина, Скитальца, Балакирева, Шалапина...

И вот — совершенно неожиданная встреча с праправнучкой Ф. М. Достоевского, кото-

рая всю жизнь прожила в этом городе.

С особенным волнением вглядывался в нее: типичная нижегородка. Двое внуков, мать, которую чудом удалось «вытащить с того света». Ежедневная дикая усталость — 60 лет, а заботы, как снежный ком, и не думают убавляться. Если быть точным, Ирина Сергеевна Велинская — потомок брата Ф. М. Достоевского, Михаила Михайловича. Но кто об этом знает? Лишь несколько самых близких людей да родня. С немалым трудом удалось уговорить ее встретиться, рассказать о себе.

Племянница Ф. М. Достоевского, Мария Михайловна, была замужем за ректором Петербургского университета, Михаилом Ивановичем Владиславлевым, «славившимся» среди студентов своей откровенной реакционностью. Их сын, Владимир Михайлович, получил юридическое образование и, не сойдясь во взглядах с отцом, порвал с ним и перебрался в Нижний Новгород. Здесь познакомился с бабушкой моей собеседницы, Софьей Алексеевной Григорьевой. Нельзя сказать, что Владимир Михайлович был убежденным революционером, но, как и большинство русских интеллигентов, сочувствовал революционному подполью, вел переписку с Львом Толстым, видными революционерами, занимался организацией кружков, участвовал в строительстве Нижегородского народного до-

ма. Софья Алексеевна преподавала в воскресной школе. Кстати, она была выпускницей легендарных Вестушевских курсов, которые недавно отметили свое 112-летие. Вестушевки в нашей истории были символом высокой духовности, женственности, присутствия юношеской, светлой мысли, как писал о них Г. Успенский. После гражданской войны, когда нечем стало кормить семью (было девять детей), бабушка продала письма Толстого в музей...

Ирина Сергеевна рисовала в блокноте генеалогическую таблицу, а мне вспоминались знакомые еще со студенческой скамьи слова А. М. Горького: Достоевский — гений, но то злой гений наш. Он изумительно глубоко почувствовал, понял и с наслаждением изобразил две болезни, воспитанные в русском человеке его уродливой историей, гяжкой и обидной жизнью: садическую жестокость во всем разочарованного нигилиста и — противоположность ее — мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим страданием...

— Ирина Сергеевна, а вам не кажется символичным, что наша встреча состоялась только сейчас, когда Нижний Новгород наконец обрел свое истинное имя?

— Мне вспоминается олив бытовой эпизод. Здесь, в Нижнем, жили еще две сестры моего деда. Надежда и Ольга. После гражданской войны они написали письмо к Горькому,

в котором просили его помочь в получении новой квартиры. Проявили, как принято сейчас говорить, деловую хватку. Горький помог. Зато дед мой, я знаю, очень долго сердился за этот поступок на своих сестер. Насколько я знаю, не только для Горького, но и для Ленина Достоевский был одним из самых любимых писателей. И «реабилитация» его состоялась лишь в годы хрущевской оттепели. Впрочем, в первые послевоенные годы в нашем городе проходило чествование Федора Михайловича, приглашали на торжественное собрание маму, она сидела в президиуме. Но после этого о нашей семье не вспоминали — и слава Богу. Когда была жива бабушка, мы часто собирались вместе — и столько тогда было разных воспоминаний! Все это я отлично помню, но, думаю, не стоит об этом громко, во всеулышание, рассказывать. А вот бабушка — та постоянно твердила: «Ты должна помнить наш род, должна этим гордиться».

— Ирина Сергеевна, а с чем лично для вас связано имя Достоевского?

— Прежде всего с бесконечными разговорами и воспоминаниями, которые звучали в нашей семье. Наверное, как и для многих людей сталинско-брежневской эпохи, для меня Федор Михайлович долгое время был закрытым, тяжелым. Только в достаточно зрелом возрасте я по-новому, осмысленно перечитала его

романы. Больше всего люблю «Братьев Карамазовых».

Я вспомнил: герой «Подрустка» в сердцах говорит, что не стал бы писать свою биографию, доживи он хоть до ста лет. Ведь для этого нужно было слишком самовлюбленным. Биографии выдающихся людей продолжают писать их потомки, порой даже этого и не замечая. В психологии для этого есть целое понятие: метажиизнь. Одни делают из своих предков довольно прибыльную и постоянную статью дохода, другие — предпочитают уповать в жизни лишь на собственные силы. Ирина Сергеевна посоветовала в конце разговора, что наша встреча состоялась слишком рано. Вот если бы через год-два, когда уйдет на пенсию и займется восстановлением семейных архивов... А сейчас — голова занята работой. Она врач и считает, что пациентам вряд ли будет интересна ее родословная.

Мы парадоксально, патологически «ленивы и нелюбопытны» и, наконец, становимся неинтересными сами себе. Когда-то, завершая свой путь, Федор Михайлович в пророческом слове о Пушкине сказал: определяющей чертой русского народа можно назвать всечеловечность. Потому что ни одна нация не несет в себе столь мощного порыва к «всемирно-человечески-братскому единению». Выходит, сегодня в это качество становится дефицитом? Для русского человека?

А. ФОРТУНАТОВ.
(Наш корр.).